

**ПРОБЛЕМА НОВОГО ГЕРОЯ В ПОВЕСТЯХ
М. ГОРЬКОГО «ФОМА ГОРДЕЕВ» И «ТРОЕ»**

Эфендиева Айтен Ариф гызы, кандидат филологических наук, доцент, Бакинский славянский университет, AZ1010, Азербайджан, г. Баку, ул. С. Рустама, 26, e-mail: sali13@list.ru.

Основная цель данной статьи заключается в поисках нового героя в творчестве М. Горького. Предметом исследования выступают герои произведений писателя «Фома Гордеев» и «Трое». Писатель в обоих произведениях показывает пути формирования героев: нравственный и социальный. Выступая против социальной несправедливости, писатель пытается разрешить её в нравственном аспекте. Однако социальные противоречия нельзя разрешить, исходя из нравственных критериев. Герои Горького ищут реальные, практические пути борьбы за справедливое социальное устройство общества. Изображая среду, писатель хочет подчеркнуть её несоответствие человеческой природе. Законы этой среды, её принципы и понятия о справедливости противоречат нравственным принципам человеческой души. Эпоха рубежа XIX–XX веков является во многих отношениях, в том числе и в развитии литературы, переходной, когда пересматриваются старые политические и эстетические ценности, что приводит к принципиальным изменениям. Этот процесс особенно наглядно и ярко выражается в творчестве писателей, в данном случае Горького, в выборе писателем героев для своих произведений, что тесно и органически связано с самой жизнью и её требованиями. Данная статья является попыткой исследовать проблему нового героя в творчестве Горького, показать поиски писателя в этом направлении. Её результаты могут быть использованы в вузовских курсах преподавания истории русской литературы, в исследованиях творчества писателя.

Ключевые слова: повесть, русская литература, поиск нового героя, М. Горький, реализм, социальные противоречия, творчество

**THE PROBLEM IS THE NEW HERO IN THE STORIES
M. GORKY "FOMA GORDEYEV" AND "THREE»**

Efendieva Ayten Arif, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Baku Slavic University, AZ1010, Azerbaijan, Baku, 26 S. Rustam st., e-mail: sali13@list.ru.

The main purpose of this article is to find a new hero in the works of Gorky. The subject of the research are the heroes of the novels "Foma Gordeyev" and "Three". The writer in both works shows the way of formation of heroes: moral and social. Speaking against social injustice, the writer tries to resolve it in the moral aspect. However, as the writer shows, social contradictions cannot be resolved on the basis of moral criteria. Gorky's heroes are looking for real, practical ways to fight for a just social structure of society. Portraying the environment, the writer wants to emphasize its inconsistency with human nature. The laws of this environment, its principles and concepts of justice are completely contrary to the moral principles of the human soul. The era of the turn of the XIX–XX centuries is in many respects, including in the development of literature transition, when in life and in literature there are new processes and revised old political and aesthetic values, which leads to fundamental changes in history and literature. This process is especially clearly and vividly expressed in the works of writers, in this case, Gorky, in the writer's choice of heroes for his works, which, of course, is closely and organically connected with life itself and its requirements. This article is an attempt to investigate the problem of a new hero in Gorky's work, to show the writer's

search in this direction. Its results can be used in University courses of teaching the history of Russian literature, in the research of the writer.

Keywords: novel, Russian literature, search for a new hero, M. Gorky, realism, social contradictions, creativity

С повести «Фома Гордеев» (1899) начинается новый этап в поисках героя у М. Горького. Замысел своей повести М. Горький выразил в письме к С. Дороватовскому, где он писал о своём желании изобразить «широкую, содержательную картину современности», на фоне которой «должен бешено биться энергичный, здоровый человек, ищущий дела по силам, ищущий простора своей энергии» [3, XXVIII, с. 62–63]. Таким героем должен был быть Фома Гордеев, молодой представитель купечества, который «был задуман как титан, сокрушающий мировую несправедливость» [1, с. 165]. Однако он оказался нетипичным для своего сословия и времени. Он один восстал против мира и потерпел поражение, а молодая русская буржуазия в лице купечества была на подъёме и одержала верх над борцом-одиночкой. У Фомы не было ни опоры, ни союзников, ни даже твёрдой почвы под ногами и жизненного, практического идеала в душе. Была у него всего лишь ненависть против мерзостей купеческого мира.

Тем не менее, Фома Гордеев – это новый тип героя в творчестве М. Горького 90-х годов. Фома – первый герой Горького, который восстал не против отдельного человека, как, например, Аристид Кувалда («Бывшие люди»), всю свою ненависть направивший против купца Петунникова, или Каина («Каин и Артём»), восставшего против своих оскорбителей, а против всего купеческого мира, против системы. Но он был одинок и бессилён в своём протесте и не знал, с чего начать, даже не думал начинать какую-то последовательную борьбу против ненавистного мира. Он не воспринял душой тот мир, который зиждется на несправедливостях и тайнах, грязных преступлениях, тот мир, к которому он сам принадлежал.

Пороки мира, как правило, замечаются передовыми и гуманными представителями того же самого мира. Так было с неприятием дворянского мира и противоборством против него лучших представителей дворянства, которые получили в литературе определение «лишние люди». Протест как «лишних людей», так и Фомы проистекает не от социальной, житейской необходимости, а от причин нравственного неприятия этого мира. Как писал В.А. Келдыш, у Горького и писателей предреволюционных лет тема «сопротивления среде» предстаёт как несовместимое противоречие между средой и внутренней сущностью человека, самим его естеством» [4, с. 435]. Именно это «естество» Фомы Гордеева не смогло мириться с тем, что творилось вокруг него, в родном его купеческом мире. Поэтому, что бы ни говорили и не писали против Фомы Гордеева, против слабости и бессмысленности его борьбы, он всё-таки был новым героем, зачинателем борьбы против всей системы несправедливой жизни. Следующие герои Горького будут знать объект и путь своей борьбы и пойдут в своей борьбе дальше Фомы Гордеева.

По выходе из печати повесть «Фома Гордеев» вызвал к себе бурный интерес в периодической прессе, и много критических отзывов было в основном против главного героя произведения. Например, Н. Каспийский видел в Фоме Гордееве «тип чисто русского безобразника», напрасно окружённого Горьким «ореолом своеобразного чисто русского титанизма» [7, с. 432]. Другой критик А.И. Богданович, более благосклонно относясь к протесту Фомы, отметил, что «это олицетворение протеста лучших сил человека против царящей пошлости и ублаживающей тишины застоявшейся жизни» [7, с. 432].

Критик «Московских ведомостей» А. Басаргин считал, что Фома недостойно быть назван героем произведения, что повесть следовало назвать «Яков Маякин». В лице антипода Фомы Якова Маякина, типичного представителя

купечества, критик видел проснувшееся «доселе как бы дремавшее самознание коренного, искомого русского купечества» [7, с. 433]. Дальше всех в своём неприятии нового героя Горького пошла М. Чунослова, назвав Фому «жалким вырожденком человечества» [7, с. 433].

В советском литературоведении образ Фомы также оценивался невысоко. Оно больше внимания уделяло эпизодическим образам рабочих, видя в них задатки будущих героев-борцов Горького. А в образе главного героя отмечалось, как «романтические иллюзии Фомы разбиваются прозой буржуазной действительности» [5, с. 42]. А. Овчаренко также сосредоточивает своё внимание не на главном герое, а на образах работников, которые составляют скорее всего фон, а не передний план: «В качестве положительной силы, определяющей судьбу страны, судьбу каждого человека, в повести "Фома Гордеев" утверждается трудовой народ» [6, с. 110–111].

Авторы «Русской литературы XX века» справедливо подчёркивают, что в повести «Фома Гордеев» «на первый план выдвигается проблема морали. Писатель показывает, как подлинно человеческое начало выступает в противоречии с лицемерной, лживой и откровенно циничной моралью капиталистов» [8, с. 44].

Характер и борьба Фомы, действительно, детерминированы морально, а не социально. Его борьба против купеческого мира обусловлена не жизненной, социальной необходимостью как борьба за существование, а нравственными требованиями души и человеческой природой героя. Он как человек высоко нравственный не приемлет бесчеловечных и преступных принципов, которыми живут купцы. В этом и причина поражения Фомы, и его трагедия. Купеческий мир отвергается изнутри, представителем самого купечества. Такая борьба обречена на поражение. Это есть поражение нравственных, чисто человеческих принципов и ценностей перед железным принципом купеческого мира, принципом, который определяется Яковым Маякиным так: «Жизнь, брат Фома, очень просто поставлена: или всех грызи, или лежи в грязи...» [2, III, с. 89].

Почему Горький противопоставил миру купцов его же представителя, а не представителя какого-то другого сословия, скажем, интеллигенции или мещанства? Видимо потому, что писателю надо было показать не столько классовую, социальную, сколько нравственную ущербность и несостоятельность купечества. Классовый враг – это одно, а нравственный враг – это совсем другое; купечество со своими принципами враждебно не только трудовому населению, а всему человеческому, всему нравственно здоровому началу. В «Фоме Гордееве» М. Горький ещё не дошёл до классовой детерминации характера и борьбы своего положительного героя.

В отличие от своего отца Игната Гордеева, человека цельного, сильного, Фома – человек, хотя тоже сильный, но как бы двойственный, сомневающийся в том, что он живёт правильно. На формирование его характера действовали, с одной стороны, отец и его предприятие, с другой стороны, – тётя Анфиса и её сказки. Сказочный мир Анфисы и реальный мир Игната создают в душе молодого Фомы сумятицу и дисгармонию. Что бы ни делал Фома – в его купеческих предприятиях, в его отношениях с женщинами, – везде он не может оставаться чистым прагматиком и дельцом, в его деятельность и взаимоотношения с людьми примешивается нравственное чувство. Когда Маякин учит его, как просто и грубо надо обращаться с женщинами, Фома ему говорит: «Сердце, сердце есть у человека!..» [2, III, с. 94]. Молодой человек своим неопытным умом ищет смысл жизни и не может найти его, оттого злится на людей и самого себя, считает их и себя лишними, ненужными. Его мучают вопросы: Как жить? В чём смысл и назначение человеческой жизни?: «Река течёт, чтобы по ней ездили, дерево растёт для пользы, собака – дом стережёт... всему на свете можно найти оправдание! А люди – как тараканы –

сосем лишние на земле... Всё для них, а они для чего? В чём их оправдание?» [2, III, с. 146].

Трагедия Фомы в том, что он не может разобраться в сложных вопросах жизни, найти своё место и назначение в ней. Жизнь представляется ему каким-то жестоким и неумолимым процессом. Она, как мельница, а люди, как зёрна, попадающие под жернова и превращающиеся в муку. В этом неумолимом процессе, называемом жизнью, Фома не может уловить то, что называется смыслом жизни отдельного человека, оттого он отчаивается и ожесточается. То, что представляется для его крёстного смыслом жизни – хозяйство, деньги, торговля и т.д., – для Фомы обуза, от которой он хочет освободиться. Фома рано и быстро разочаровался в жизни и в своём сословии.

Интересно, почему Горький в качестве такого купца-скептика избрал человека, не совсем опытного в житейских вопросах, не совсем даже начитанного, не прочитавшего ни одной дельной книги? Очевидно, Горький хотел показать, что моральный облик его героя сформировался не на основе отвлечённых книжных знаний, современных теорий, а на основе именно реальной жизни и естественных склонностей человеческой природы. Душа Фомы не искажена и не испорчена какими-то посторонними, книжными, учёными влияниями. Его душа сохранила свою детскую чистоту и первозданную доброту, и как таковая она не приемлет всё, что творится вокруг героя.

Протест Фомы против купцов и купеческого мира носит грубо-стихийный характер и выражается в критике и площадных ругательствах. Правда, один из купцов, «седой старичок», обращаясь к купцам, говорит: «Это – от совести слова! Это – ничего! Надо претерпеть... Пророческое обличение... Ведь грешны... Ведь правду надо говорить, о-очень мы...» [2, IV, с. 217]. Но это «пророческое обличение» Фомы выражается в виде острой ненависти к этим двуличным и коварным дельцам. Помимо совести, в Фоме заговорили большая сила и смелость высказать им в лицо все их подлости. Но он им пророчил не социальное, не человеческое, а божеское наказание. Все эти люди, по разумению Фомы, – большие грешники, и все они виноваты перед Богом.

Ненависть Фомы и его протест не имеют твёрдой основы в его душе и разуме в виде какого-то идеала. Этого идеала и положительного представления о другой жизни у него нет. Есть только чувство несправедливости всего, что творится в жизни, есть преходящая острая ненависть, которую он высказал и как бы потушил её: «Он, утомлённый борьбой, бессильный позором поражения, лежал молча, оборванный, выпачканный в чём-то, крепко связанный по рукам и ногам полотенцами... сгорело в нём что-то и – темно, пусто стало в душе» [2, IV, с. 218].

Фома понял и признал своё поражение. Да ему и не много нужно было от этой борьбы. Он только «хотел сказать правду... хотел обличить», у него «сердце изболело», он «правду чувствовал» [2, IV, с. 220–221]. Якову Маякину он говорит: «А всё-таки ваша во всем вина! Вы испортили жизнь!.. И хоть слаба моя правда против вас, а всё-таки правда! Вы – окаянные! Будьте вы прокляты все...» [2, IV, с. 221]. Против одержимости наживой Фома противопоставил одержимость правдой, и она оказалась слабее системы. Одержимость жаждой наживы и пренебрежение всякими нравственными обязанностями перед Богом и людьми возмущают душу Фомы, и он высказывает им в лицо всю свою ненависть, и делает он это в каком-то бессильном отчаянии, словно в каком-то кошмарном сне. Его борьба оказывается борьбой если не слабого, то во всяком случае бессильного перед этим миром человека.

Неслучайно «Воскресение» Л. Толстого и «Фома Гордеев» М. Горького появились в конце 90-х годов XIX века. В одном случае мы видим завершение, а в другом – начало поисков истинного героя. Толстовский Нехлюдов нашёл истину, которая была старой, а горьковский Гордеев её не нашел, ибо он искал какую-то новую истину. Но у горьковского героя была какая-то

правда, из которой он исходил и которую можно назвать предтечей будущей истины, к которой будут стремиться другие герои Горького. В плане поисков новой истины и нового героя повесть Горького «Трое» можно считать продолжением повести «Фома Гордеев».

Повесть «Трое» была написана в начале XIX века, в 1900–1901 годах, и может быть названа новым этапом в поисках героя в творчестве М. Горького. Если Фома Гордеев в своём неприятии существующих порядков попадает в число недовольных жизнью, так сказать, сверху, то есть отколовшись от того же самого купечества, то Илья Лунев попадает в число преуспевающих снизу, а затем восстаёт против них по тем же самым причинам, что и Фома Гордеев. У обоих героев Горького протест против несправедливого мира обусловлен не социальным их положением, а нравственным состоянием. В обоих случаях естественное, человеческое начало не приемлет социального начала, душа человека не может согласиться с теми несправедливостями, беззакониями, бесчеловечностью, которые творятся в жизни.

«Основная проблема повести – выбор жизненного пути» [8, с. 49], хотя, точнее, не выбор, а мучительные поиски, ибо борьбу и трагическую гибель Лунева трудно назвать выбором «жизненного пути». Тут можно говорить о невозможности выбора и отчаянии, которые привели героя к самоубийству.

Е.Б. Тагер, отмечая преемственную связь повестей «Фома Гордеев» и «Трое» с ранними рассказами Горького, определил их тему как «тему трагической борьбы личности за право на жизнь и счастье, за человеческое достоинство» [9, с. 240].

В контексте исследуемой нами проблемы следует отметить, что герои первых крупных произведений Горького, в том числе и повести «Трое», искали, скорее всего, смысл и назначение жизни, своё место и назначение в ней. Жизнь и счастье они понимали не так, как окружающие их обыватели и мещане, не так, как преуспевающие купцы и приобретатели, то есть счастье они видели не в материальном благополучии и богатстве, а в добре и активном служении другим. Илья Лунев своими силами добился всего, из нищего сироты выбился в число купцов. Но смысла в накопительстве и богатстве он не нашёл.

Таким образом, герой Горького ищет не личного благополучия и преуспевания, а деятельности, приносящей благо не только самому себе, но и другим. Но этой деятельности Илья не смог найти и потому погиб трагически. «В поисках "порядочной жизни" Лунев попал в мир подлости и лицемерия, корыстолюбия, вопиющей несправедливости» [8, с. 49]. Его протест против Полуэктова, а затем против своей компаньонки Автономовой – это в сущности протест и против самого себя как купца и приобретателя, жизнь которого нельзя назвать «порядочной». Его самоубийство было продолжением и логическим концом его ненависти к Петрухе Филимонову, убийства менялы Полуэктова и, наконец, публичного разоблачения гостей и семьи Автономовых. Ненависть к низменным идеалам охватила в свою орбиту и его самого, что стало причиной его безысходного отчаяния и самоубийства. В убийстве и в самоубийстве выразилась одна и та же идея – идея неприятия существующих порядков.

Исследователи не раз отмечали перекличку темы повести Горького и нравственных страданий его героя с тематикой и героями произведений Л. Толстого и Ф. Достоевского, особенно романа «Преступление и наказание». Тема поисков пути жизни и нравственных страданий героев Горького и его предшественников в чём-то совпадает. Как отмечает один из исследователей творчества Горького, молодой писатель «не просто подхватил эту тему у своих предшественников, но и развил её, сообщил ей небывалую ранее напряжённость» [9, с. 240]. Суть этой напряжённости заключается в том, что Горький искал разрешение проблемы героя и общества не в нравственно-психологическом аспекте, как это делали Толстой и Достоевский, а в сфере

практической деятельности и борьбы, пути которых пока не были ведомы ни самому писателю, ни его герою.

Поиски молодого Горького и его героев шли в двух направлениях: во-первых, в направлении поисков той силы и врага, против которого следовало бороться; во-вторых, в направлении поисков самих героев, того, какими умственными и волевыми качествами должен обладать этот новый герой. Ни Фома Гордеев, ни Илья Лунев не знали, в чём корень зла и против чего и как им конкретно следует бороться. Поэтому их борьба была обречена на поражение по двум причинам: первое, они ещё не определили корень и первопричину того зла, которое охватило весь современный мир; второе – эти герои сами не готовы к последовательной практической борьбе против этого зла. Их борьба носит слишком абстрактный характер: им не ясны ни цель, ни средства борьбы.

Илья Лунев знал и не мог не знать, что нет никакой пользы оттого, что он в лицо своей компаньонки и её гостей бросает горькие упреки за их подлость и нечестную жизнь и при этом открыто заявляет, что Полуэктова убил он. Что это значит? Во-первых, это безысходное положение героя, который в поисках жизненного пути и цели своего существования зашёл в тупик и не видит выхода из него, оттого и отчаивается. Во-вторых, всё это сделано для отвода души, для усмирения и удовлетворения своей ненависти к этому миру, к этим с виду благополучным и счастливым людям, блаженствующим в своём болоте бесчестия и подлости. Подноготная этой грязной жизни видна только Илье Луневу, а сами эти люди не видят её ненормальности, как болотные черви не видят грязи их среды обитания. В-третьих, то есть по поводу цели протеста Ильи Лунева – конкретной цели и программы действия у него не было. Придя в гости к Антоновым, он не знал, что запротестует и сожжёт за собой все корабли. Он также не знал, что, зайдя к Полуэктову, убьёт его. Во всех случаях он действует, одержимый ненавистью и страстью к действию. Им управляют эмоции, а не рассудок, ибо последний был бессилён разрешить все загадки, которые жизнь ставила перед ним. Его действия управлялись и направлялись сиюминутными эмоциями, рождёнными острой ненавистью к этому миру и сознанием своего бессилия перед ним. Кажущимся бессмысленными действиям Ильи, однако, есть такое оправдание: душою и мыслями он не смог мириться с безобразным и несправедливым миром.

С купцом Полуэктовым и трактирщиком Петром Филимоновым, которые олицетворяют этот мир и являются носителями его морали, Илья справляется легко и безнаказанно, как он безнаказанно убил первого и избил второго. Но он знает, что корень зла не в них, а гораздо глубже, нежели безнравственные и алчные страсти этих людей, и невозможно определить причину этого зла и уничтожить всех его носителей. В этом смысле борьба Ильи против носителей зла и против общества Автономовых на дне рождения Татьяны – его компаньонки – похожа на борьбу Фомы Гордеева против купечества. Если Фома Гордеев после своего бунта признал своё поражение и смирился, то Илья идёт до конца и, осознав своё поражение, кончает жизнь самоубийством, ударившись головой об стенку. Эта смерть героя символична, ибо зло стояло перед ним как непреодолимая стена, которую трудно разрушить, разве только можно разбить об неё голову.

Преимущество нового героя Горького перед предыдущим, то есть Ильи Лунева перед Фомой Гордеевым, было в том, что в мир приобретателей Илья попал со стороны, из бедной крестьянской семьи. Если Фома родился и вырос в преуспевающей купеческой семье, то Илья Лунев, бедный сирота приехал в город из деревни ещё совсем мальчиком и в чужом городе познал все беды и трудности нужды и нищеты. Он своими силами, в одиночку выбился в люди и стал начинающим купцом. Но, как и Фома, Илья не смог мириться с несправедливостью и безнравственностью этого мира.

В данном случае Горький, как и его предшественник Л. Толстой, ставит и рассматривает глубоко социальную проблему в нравственном аспекте. Герой выступает против социума исходя из нравственных побуждений своей человеческой природы, а не исходя из его социальной неразумности. В результате оказывается, что социальные противоречия нельзя разрешить, исходя из нравственных критериев. Видимо, Горький это понимает, но ему самому пока неведомы пути и способы разрешения социальных вопросов и реальные, практические пути борьбы за справедливое социальное устройство общества.

Обе повести построены как автобиографии главных героев: произведения начинаются с детства героев, прослеживается путь их умственного и нравственного формирования. Смысл автобиографичности сюжетной канвы повести Горького Е.Б. Тагер видит не в изображении «истории формирования личности под сложным воздействием окружающей среды» [9, с. 242], а в том, как эта среда нагнетает ненависть человека против несправедливости, как эта «античеловеческая и лживая мораль», которой живёт этот мир, возмущает чистую и гуманную душу молодого героя.

Среда призвана определить не столько характер героя, сколько его волю к борьбе. Изображая среду, Горький хочет подчеркнуть её несоответствие человеческой природе. Законы этой среды, её принципы и понятия о справедливости противоречат нравственным принципам человеческой души. Присутствуя на суде над проституткой Верой, который, кстати, напоминает суд над Катюшей Масловой из романа Л. Толстого «Воскресение», Илья приходит в ярость от того, что тут воры и подлецы, такие, как Петруха Филимонов, судят воров и подлецов помельче себя. У Толстого сцена суда призвана была перевернуть судьбу главного героя как виновника несчастья подсудимой. Илья вынес из этого суда другое впечатление – в трагедии таких, как Вера, виновата жизнь, система, где воры судят воров. Если борьба героя Толстого была направлена против самого себя, то ненависть и борьба героя Горького направлены против общества. Но парадоксально, что жертвой этого противостояния общества и героя становится сам герой, то есть Илья Лунев. Если Дмитрий Нехлюдов знал, что делать и против кого бороться, то Илья Лунев этого не знает, ибо его враг был неуловимый и всемогущий. Против такого врага нужна была адекватная социальная сила. Об этом Горький будет говорить в следующих своих произведениях.

Список литературы

1. Басинский П. В. Горький / П. В. Басинский. – М. : Молодая гвардия, 2005. – 451 с.
2. Горький А. М. Собрание сочинений : в 18 т. / А. М. Горький. – М. : ГИХЛ, 1960–1963.
3. Горький А. М. Собрание сочинений : в 30 т. / А. М. Горький. – М. : ГИХЛ, 1949–1955.
4. Келдыш В. А. Реалистические течения предреволюционных лет / В. А. Келдыш // Русская литература конца XIX – начала XX в. 1901–1907. – М. : Наука, 1971. – С. 127–176.
5. Михайловский Б. В. Творчество М. Горького / Б. В. Михайловский, Е. Б. Тагер. – М. : Просвещение, 1969. – 336 с.
6. Овчаренко А. И. О положительном герое в творчестве Горького (1892–1907) / А. И. Овчаренко. – М.: Советский писатель, 1956. – 586 с.
7. Петрова М. Г. Летопись литературных событий. 1892–1900 годы / М. Г. Петрова // Русская литература конца XIX – начала XX в. Девяностые годы. – М. : Наука, 1968. – С. 261–478.
8. Русская литература XX века. Дюктябрьский период. – Л. : Просвещение, 1985. – 334 с.

9. Тагер Е. Б. Революционный романтизм Горького / Е. Б. Тагер // Русская литература конца XIX – начала XX в. Девяностые годы. – М. : Наука, 1968. – С. 213–243.

References

1. Basinskij P. V. Gor'kij. M.: Molodaya gvardiya, 2005. 451 p.
2. Gor'kij A. M. Sobranie sochinenij : in 18 vol. M.: GIHL, 1960–1963.
3. Gor'kij A. M. Sobranie sochinenij : in 30 vol. M.: GIHL, 1949–1955.
4. Keldysh V. A. Realisticheskie techeniya predrevolyucionnyh let // Russkaya literatura konca XIX – nachala XX v. 1901–1907. M.: Nauka, 1971, pp. 127–176.
5. Mihajlovskij B. V., Tager E. B. Tvorchestvo M. Gor'kogo. M.: Prosveshchenie, 1969. 336 p.
6. Ovcharenko A. I. O polozhitel'nom geroe v tvorchestve Gor'kogo (1892–1907). M. : Sovetskij pisatel', 1956. 586 p.
7. Petrova M. G. Letopis' literaturnyh sobytij. 1892–1900 gody // Russkaya literatura konca XIX – nachala XX v. Devyanostye gody. M.: Nauka, 1968, pp. 261–478.
8. Russkaya literatura XX veka. Dooktyabr'skij period. L.: Prosveshchenie, 1985. 334 p.
9. Tager E. B. Revolyucionnyj romantizm Gor'kogo // Russkaya literatura konca XIX – nachala XX v. Devyanostye gody. M.: Nauka, 1968, pp. 213–243.